

вечно возвышающейся, как водопад над рекой жизни, руины, которую невозможно не «читать».

Одновременно эта руина «уходит» той «общей судьбы», которую создает в поэзии невнимательное прочтение стихов. Повторим здесь замечание Державина о роли акростиха, которое М. Халле привел в своей статье. В акростициях, говорит Державин, «заглавные каждого стиха буквы содержат в себе имя, в честь коего стихи писаны»; они также могут содержать в себе, добавляет он, «какое-нибудь значительное слово, коего поэт открыто для всех сказать не хотел».⁶⁴

Отметим, что, хотя Державин не внес в заглавные буквы своего имени, он внес свой целостный образ, к созданию которого в последние годы стремился, которого достиг, но, благодаря тому что его весь пафос раскрывается только в посмертном значении, он не только этого «значительного слова открыто для всех сказать не хотел», но и не мог, не достигнув «брега смерти».

Раскрытие значения акростиха также ставит под сомнение то распространенное об этом восьмистишии мнение, что это произведение не закончено. Такое мнение связано с первым изданием «Реки времен», в котором кроме прочего было издателями сказано следующее: «За три дня до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: *Река времен*, начал он стихотворение *На тленность* и успел написать первый куплет. Сии строки написаны им были не на бумаге, а еще на *аспидной* доске (как он всегда писал начерно), и уже после его смерти положены на бумагу одним родственником» (3, 178—179).

С «толкованием» первых издателей последних стихов Державина трудно согласиться. Во-первых, тот факт, что у Державина в кабинете была историческая карта под названием «Река времени» (Я. К. Грот воспроизводит ее полное название: «или Эмблематическое изображение всемирной истории»), совсем еще не означает, что он хотел воссоздать в стихах карту. Поскольку к стихам было присоединено заглавие «На тленность», то именно тленность и была темой сочинения, а не «эмблематическое изображение всемирной истории». Во-вторых, то, что стихи им были написаны на грифельной доске, вовсе не говорит о том, что они являются черновиком или не окончены. Наоборот, именно грифельная доска служит тем ограниченным пространством, на котором можно сначала написать акростих, а потом, не меняя расположения заглавных букв или еще каких-нибудь других элементов заданного себе плана, менять стихи так, чтобы они наконец вошли в заданную себе задачу. (Я. К. Грот совершенно правильно отмечает, что Державин вряд ли часто употреблял *аспидную доску*. Во всяком случае, о такой практике его

⁶⁴ Халле М О незамеченном акростихе Державина С 235